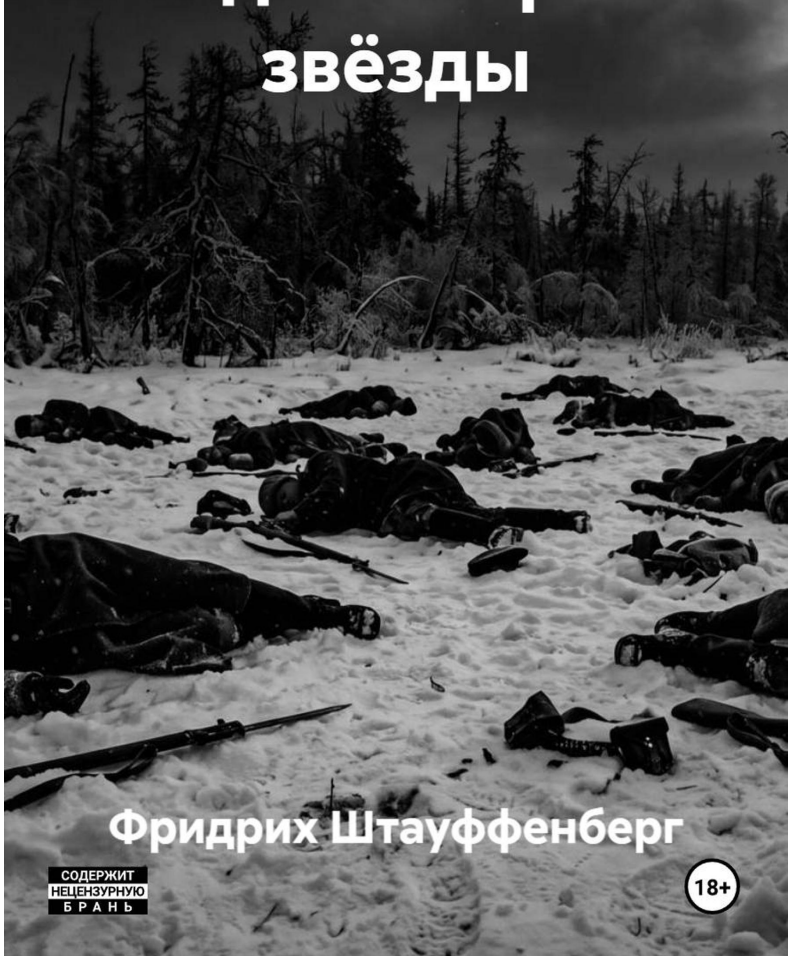

Когда замёрзли звёзды

Фридрих Штауффенберг

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фридрих Штауффенберг

Когда замёрзли звёзды

<https://litres.ru/74323769>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Петербург, 1905 год. Кровавое воскресенье — молодой офицер впервые видит, как пули рвут живых людей. Это не геройство, это начало конца. Дальше — Первая мировая, грязь окопов, революция, развал страны, гражданская война. И отступление. Всё дальше на восток, за Урал, в Сибирь, в якутскую тайгу. Там уже не воюют, там замерзают. Там умирают не с именем страны на устах, а просто от холода и усталости.

Это история не про войну — это про человека, который теряет всё: родину, любовь, смысл. И про звёзды, которым на это плевать.»

Содержание

Предисловие	4
Глава I	4
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Фридрих Штауффенберг

Когда замёрзли звёзды

Предисловие

*«Из женщин философ - как из меня
писатель. Им не философские
трактаты, а книги по рецептам
писать положено.»*

Artur, 2026.

Глава I

Петербург, январь 1905 года. Город задыхался от сырости и тумана, снег на улицах был серым, как небо, и казалось, что даже река Нева течёт тяжело, словно не хочет нести эту холодную воду дальше. Александр Орлов, юнкер Николаевского кавалерийского училища, шёл по набережной Мойки, пряча лицо от ветра, которому было всё равно, кто он и куда идёт. Ему только что исполнилось восемнадцать, и он только что получил увольнение, но не знал, куда его деть, потому что город был пуст и холоден, а дома его ждала только тишина, которую он не умел заполнять.

Остановился у чугунных перил и посмотрел на воду. Она

была чёрной, тяжёлой, и казалось, что она течёт не туда, куда надо, а просто стоит на месте, как и всё в этом городе. Александр подумал о том, что не помнит, когда в последний раз чувствовал себя живым, не просто не мёртвым, а живым, когда воздух в лёгких кажется горячим, а сердце бьётся не от страха, а от радости. Не помнил, и это было странно, потому что ему было всего восемнадцать, а уже чувствовал себя стариком, который ничего не ждёт от жизни, кроме нового дня, который будет таким же, как вчера.

Она стояла на другой стороне улицы, у витрины книжного магазина, рассматривала выставку, держа в руках книгу, которую только что купила. Александр замер, не понимая, почему остановился, почему смотрит на неё, почему сердце, ещё минуту назад спокойное, вдруг начало биться быстрее. Обернулась, и увидел её лицо — бледное, с большими серыми глазами, которые смотрели на него без испуга, скорее с любопытством, как будто ждала, что он подойдёт и скажет что-то важное. Улыбнулась, и внутри что-то оттаяло, как будто всю жизнь ждал именно этой улыбки, но не знал об этом.

Не подошёл. Просто стоял и смотрел, а потом повернулся и пошёл дальше, оставив её у витрины с книгой в руках. Не знал её имени, не знал, что через несколько дней она будет лежать на снегу с простреленной грудью, и он будет стоять над ней, чувствуя, как мир рушится. Не знал, что это была последняя встреча, которую мог бы запомнить. Запомнил

только её улыбку и то, как она смотрела на него, будто знала, что они больше не увидятся. И это было странно, потому что они даже не успели сказать друг другу ни слова.

А через три дня на улицы Петербурга вышли рабочие и их семьи, чтобы сказать царю о своей жизни, о голоде и о том, что они больше не могут терпеть. Это был не бунт, это был крик. Но крик утонул в выстрелах. Это случилось девятого января. Александр не был на площади, слышал о ней от других: о том, как солдаты стреляли в женщин и детей, как снег становился красным, как они падали на колени и молили о пощаде, но пули не слушали. Стоял у окна в своей комнате и смотрел, как город затихает, будто сам перестал дышать. Там, на Дворцовой, остались не только трупы. Осталась память, которую выстрелами не убить.

А потом, когда тишина стала невыносимой, решил найти её. Пройти по тем улицам, где они могли бы встретиться, где взгляд мог бы случайно коснуться её бледного лица. Шёл, пока не дошёл до места, где, по слухам, упала девушка в сером пальто. Снег был уже утоптан, никаких следов, ничего, что могло бы напомнить о ней. Только холод и тишина. И запах пороха, который ещё не выветрился, вьелся в камни и в снег, вьелся в память, как её улыбка. Стоял и смотрел на пустое место, чувствуя, как мир, который знал, заканчивается. Не знал, что это за мир, но знал: в нём не будет места для прежних надежд, прежней веры, для улыбки у витрины. Этот мир требовал крови.

Александр вернулся в училище. Не мог больше сидеть в своей комнате, смотреть на стены и слушать тишину, которая стала невыносимой. Начались занятия, потом выпуск. Стал офицером, но не почувствовал радости. Смотрел на свои погоны и думал не о том, как добился их, а о том, что война, в которую он не верил, ждёт его за углом. И она придёт — он знал это, как знал, что зима не может длиться вечно. Но не потому, что умел предсказывать будущее, а потому что чувствовал, как оно уже дышит в спину.

Прошла не одна зима, прежде чем он перестал искать ответы. Просто начал ждать того, что должно было случиться, — единственной вещи, которая не обманывала, потому что она всегда приходила. В городе пахло тревогой, люди шептались на углах, газеты печатали то одно, то другое. Никто не знал, что будет завтра. Но он знал: мир, который он знал, уже не вернётся. И когда это случится — он будет готов. Не герой. Не спаситель. Просто человек, которому больше нечего терять.

Стоял у окна, смотрел на Петербург и слушал шаги времени. За окном падал снег. Город затихал. И казалось, что навсегда. А в небе гасли звёзды — одна за другой, медленно, будто кто-то сдувал их, как свечи.

После 1905 года Россия затихла. Но это была не та тишина, в которой можно услышать себя, а та, в которой слышно только шаги времени и дыхание страха. Город жил своей жизнью, но она стала другой, более напряжённой, более се-

рой. На улицах стало больше людей, но меньше голосов. Люди боялись говорить лишнего — боялись, что их слова донесутся до нужных ушей, и тогда они исчезнут, как исчезали многие после Кровавого воскресенья.

В Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, в бесконечных губерниях, где дороги разбиты, а небо всегда низкое, везде пахло порохом, присыпанным снегом. Крестьяне молчали, но они ждали. Они ждали, когда земля даст урожай, когда налоги перестанут душить, когда война, о которой говорят шёпотом, наконец начнётся и принесёт не победу, а конец. Рабочие ждали — они бастовали, их разгоняли, они бастовали снова. Интеллигенция ждала — читала запрещённые книги, писала статьи, которые никогда не увидели бы света, и мечтала о переменах, не понимая, что они принесут ещё больше крови.

И только правительство делало вид, что ничего не происходит. Министры писали доклады, чиновники перекладывали бумаги, генералы планировали парады. Они говорили о величии России, о её священной миссии, о том, что она никогда не была так сильна. Но за этими словами стояла пустота. Они не верили в то, что говорили. Или верили, но слишком поздно.

Вокруг говорили о войне. Не о той, что уже была, а о той, что ещё только дышала в спину. О том, что Германия и Австрия готовятся, о том, что Россия, как всегда, не готова. О том, что солдат пошлют на убой, а они пойдут, потому что

присягали. В этих разговорах было больше усталости, чем надежды. Люди уже не верили в победу — они просто готовились пережить войну, как переживают долгую зиму.

А потом наступил 1914 год. Весной мир был спокоен, но в воздухе висело что-то тяжёлое, как перед грозой. Газеты писали о балканских конфликтах, о том, что Европа стоит на пороге войны, но никто не верил, что это коснётся их. В июне в Сараево убили эрцгерцога. Империя, как старый часовой механизм, начала отсчитывать последние секунды. Через несколько недель Россия вступила в войну. Об этом не кричали на площадях, в Петербурге было тихо. Только поезда, увозившие солдат на запад, нарушали этот сон. Женщины плакали на перронах. Мужчины уходили, не зная, вернутся ли.

Война пришла не как герой, а как болезнь. Она не спрашивала, кто прав, кто виноват. Она просто приходила, оставляя за собой грязь, кровь и тишину, в которой больше не слышно голосов.

Глава II

В августе 1914 года мир был ещё цветным. Газеты писали о патриотизме, дамы на вокзалах бросали цветы уходящим на фронт эшелонам, офицеры щеголяли свежими погонами и говорили о том, что война закончится до Рождества. Александр Орлов, поручик, стоял на перроне Николаевского вокзала, держал в руках тощую сумку и смотрел, как поезд увозит его из Петербурга в неизвестность. Он не верил в быструю победу. Он вообще ни во что не верил, кроме того, что едет умирать. Но он ехал, потому что надо было.

Первые недели на фронте были странными. Они шли по чужой земле, видели сожжённые деревни и людей, которые смотрели на них пустыми глазами. Они не воевали — они просто шли вперёд, как будто война была маршем. Пахло дымом и палёным хлебом. Пахло летом. И это было обманчиво — потому что потом пришла осень, а с ней и грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.